

ВИАЛЕТТА
ВЕСНА

РАЗВОД

— ПО ПРИКАЗУ —

ИЗМЕНА ПО ЛЮБВИ

Виолетта Весна

Развод по приказу.

Измена по любви

<https://litres.ru/74141828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж не попросил развода. Он приказал.

Генерал Владислав Аксенов положил передо мной документы и сказал: «Подпиши. Так надо». Семь лет я была его женой: ждала, молчала, понимала его службу и верила, что за холодом все еще есть любовь.

В ту ночь я ушла.

А потом в моей жизни появился майор Ренат Сарматов. Ему приказали охранять меня, но он стал первым мужчиной, который не командовал моей жизнью, а спрашивал, чего хочу я.

Теперь мой развод — часть опасного дела. Мою репутацию топят в грязи. Бывший муж хочет вернуть меня под свою защиту. А я впервые выбираю не того, кто сильнее всех приказывает, а того, рядом с кем могу быть собой.

Они называют это изменой.

Я называю это любовью.

Содержание

ПРОЛОГ. Приказ о разводе	4
ГЛАВА 1. Жена без дома	18
ГЛАВА 2. Майор для бывшей	36
ГЛАВА 3. Кабинет под печатью	56
ГЛАВА 4. Генерал возвращает вещи	79
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Виолетта Весна

Развод по приказу.

Измена по любви

ПРОЛОГ. Приказ о разводе

Я поняла, что муж хочет развестись, не по словам.

Слова у Владислава Аксенова всегда приходили позже решений. Иногда не приходили совсем.

Сначала я увидела на столе папку.

Черную, тонкую, с аккуратно вложенными листами. Она лежала на моем месте за обеденным столом, рядом с бокалом воды и выключенным телефоном. Не на краю, не между делом, не случайно. Ровно там, где обычно стояла моя тарелка, если мы ужинали вместе.

Мы не ужинали вместе почти три недели.

Я остановилась в дверях кухни и несколько секунд смотрела на эту папку так, будто она могла исчезнуть, если не подходить ближе.

В квартире было слишком тихо. Даже холодильник работал почти неслышно, дорогой, встроенный, как все в этом доме. Дорогой ремонт. Дорогая мебель. Дорогая тишина, в которой за семь лет брака я научилась не задавать лишних

вопросов.

Владислав стоял у окна.

Не в форме. В темной рубашке, с закатанными до локтей рукавами. Высокий, собранный, с прямой спиной человека, который никогда не позволял себе устать на людях. В отражении стекла я видела его лицо: жесткое, спокойное, почти чужое.

— Ты рано, — сказала я.

Глупость. Первое, что пришло в голову.

Он не повернулся сразу.

— Я предупреждал, что буду дома к девяти.

Я посмотрела на часы над кофемашиной. Без трех минут девять.

Конечно. Он был точен даже тогда, когда разрушал жизнь.

Я сняла пальто, повесила его на спинку стула и только потом подошла к столу. Пальцы замерли над папкой.

— Это мне?

— Да.

Одно слово. Без объяснений.

Я открыла папку.

На первом листе было мое имя. Таисия Владиславовна Аксенова. Ниже — его имя. Владислав Игоревич Аксенов. Еще ниже сухие строки, в которых наш брак превратился в формулировку для суда.

Я читала медленно. Слишком медленно для человека, который давно умеет работать с документами, диагнозами, за-

ключениями, актами, чужими сломанными судьбами.

Заявление о расторжении брака.

Мир не рухнул.

Вот что было самым страшным.

Пол не ушел из-под ног. Стены не качнулись. Вода в бокале не дрогнула. Просто мой муж положил передо мной развод, как кладут приказ на подпись.

Я подняла глаза.

— Это ошибка?

Он наконец повернулся.

— Нет.

— Тогда что это?

Владислав подошел к столу. Не быстро. Он вообще редко делал что-то быстро, если не было пожара, операции или людей под завалом. В обычной жизни его спокойствие казалось силой. Сегодня оно выглядело как отсутствие сердца.

Он положил ладонь на спинку стула напротив меня.

— Документы подготовлены. Тебе нужно подписать здесь и здесь.

Я посмотрела туда, куда он показал. На пустые строки.

Место для моей подписи.

Место, где семь лет должны были закончиться движением руки.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

— Владислав.

Он чуть напрягся. Не сильно. Едва заметно. Я знала его слишком хорошо, чтобы не увидеть.

Я редко называла его по имени, когда мы были дома. Обычно было «Влад». В хорошие дни. В плохие — «послушай». В совсем плохие я молчала, потому что молчание в нашем браке считалось взрослым поведением.

Сегодня имя прозвучало официально. Как перед чужим человеком.

— Объясни мне, — сказала я. — Нормально. Не как подчиненной. Не как человеку, которому выдали распоряжение. Как жене.

Он отвел взгляд первым.

И вот тогда мне стало больно.

Не от бумаг. Не от слова «развод». От этого движения. Быстрого, почти незаметного. Он мог смотреть в лицо министрам, прокурорам, родственникам погибших. Мог принимать решения, после которых люди ненавидели его годами. Но сейчас не выдержал моего взгляда.

— Так надо, — сказал он.

Я тихо усмехнулась.

Смех вышел пустым.

— Так надо, — повторила я. — Великолепно. Семь лет брака, и вся причина в двух словах.

— Таисия.

— Нет. Не надо так произносить мое имя. Как будто я сейчас начну истерику, а ты готов меня выдержать.

Он сжал челюсть.

— Я не считаю тебя истеричной.

— Спасибо. Щедро.

Я закрыла папку. Резко, но не хлопнула. Не хотела давать ему даже этого удовольствия — решить, что я сорвалась.

Владислав смотрел на мои руки.

— Подпиши.

Я моргнула.

— Что?

— Подпиши документы.

— Ты просишь?

Пауза получилась короткой, но в ней было все.

Он не просил.

Владислав Аксенов не умел просить. Он умел приказывать так спокойно, что люди сами путали это с заботой.

— Я хочу, чтобы ты сделала это сегодня, — сказал он.

— Ты хочешь?

— Да.

— А если я не хочу?

Он посмотрел мне в глаза.

Серые. Холодные. Уставшие.

Когда-то я думала, что в этих глазах есть глубина. Потом поняла: глубина есть там, куда тебя пускают. Меня Владислав не пускал почти никуда. Даже будучи его женой, я часто стояла у закрытой двери и убеждала себя, что за ней просто служба.

— Это не обсуждается, — произнес он.

И вот тогда что-то во мне оборвалось очень тихо.

Без крика. Без красивой сцены. Просто связь, которую я столько лет держала обеими руками, вдруг перестала держать меня в ответ.

Я выдвинула стул и села.

— Ручку дай.

Он замер.

Наверное, ожидал сопротивления. Вопросов. Слез. Угроз позвонить Милане, адвокату, подруге, кому угодно. Может, ожидал, что я буду цепляться за дом, статус, фамилию, за него.

Я тоже думала, что буду.

Но в тот момент мне вдруг стало ясно: я устала стоять перед закрытыми дверями.

Владислав достал ручку из внутреннего кармана и положил рядом с папкой.

Не протянул мне в руку.

Даже сейчас между нами оставалась дистанция.

Я открыла документы. Нашла первую строку. Подписала.

Рука дрогнула только на последней букве.

Владислав заметил. Конечно заметил. Он всегда замечал слабости. Просто не всегда считал нужным на них реагировать.

— Второй экземпляр, — сказал он.

Я подписала второй.

Потом закрыла папку и подвинула ее к нему.

— Все?

Он не взял документы сразу.

— Таисия, тебе нужно будет временно пожить не здесь.

Я медленно подняла голову.

— Вот как.

— Я подготовил квартиру. Адрес скину Милане. Там безопасно.

— Безопасно, — повторила я. — От чего?

Он промолчал.

И я вдруг поняла, что развод не был концом разговора. Он был только частью чего-то большего. Очередной частью, которую мне не собирались объяснять.

— От чего, Владислав?

— Сейчас не время.

Я встала.

— А когда время? Когда я подпишу отказ от вопросов? Когда соберу вещи? Когда ты решишь, что мне можно знать, почему мой муж выгнал меня из дома?

— Я не выгоняю тебя.

— Нет?

Я обвела рукой кухню.

— Ты положил передо мной развод. Подготовил квартиру. Даже адвоката мне выбрал через Милану, я так понимаю. Скажи, чем это отличается от приказа об эвакуации?

Он резко выдохнул.

— Тем, что я пытаюсь сохранить тебе жизнь.

Слова упали между нами тяжело.

Я должна была испугаться.

Наверное, нормальная жена испугалась бы. Спросила бы, что случилось. Прижалась бы к нему, если бы он позволил. Поверила бы, потому что муж сказал о жизни и смерти.

Но я была не нормальной женой.

Я была женой генерала Аксенова семь лет. И слишком хорошо знала цену фразам, за которыми ничего не объясняли.

— Мою жизнь, — сказала я тихо. — Без моего участия.

— Да, если потребуется.

Я посмотрела на него и впервые за долгое время увидела не мужа.

Командира.

Человека, который привык спасать людей так, чтобы они потом молчали и были благодарны.

— Тогда запомни, — произнесла я. — С сегодняшнего дня моя жизнь без моего участия не решается.

В его лице что-то изменилось. Мелькнуло быстро, почти больно. Но он сразу взял себя в руки.

Телефон на столе завибрировал.

Не мой. Его.

Владислав посмотрел на экран.

Я тоже успела увидеть имя.

Агата Веренич.

Я знала эту женщину. Пресс-куратор управления. Сдер-

жанная, безупречно одетая, всегда рядом с ним на публичных мероприятиях. Слишком рядом, говорили за моей спиной. Я делала вид, что не слышу. Потому что доверие в браке иногда начинается как выбор, а заканчивается как привычка унижать себя молчанием.

Он сбросил вызов.

Через секунду телефон завибрировал снова.

— Ответь, — сказала я.

— Это рабочее.

— Конечно.

Он не ответил.

Я улыбнулась. Уже спокойно.

— Не надо. Правда. Сегодня ты очень убедительно показал, где у нас рабочее, где личное, а где мое место.

— Агата не имеет к этому отношения.

— К разводу?

— Да.

— А к чему имеет?

Он снова промолчал.

Я кивнула.

— Понятно.

— Тебе лучше не делать выводов.

— А мне больше ничего не осталось. Фактов ты мне не даешь.

Владислав взял папку.

Только теперь я заметила: на его правой руке была тонкая

царапина, почти у запястья. Свежая. Не бытовая. Я машинально хотела спросить, что случилось, но остановила себя.

Хватит.

Хватит первой искать трещины в его броне и прикладывать к ним ладони.

— У тебя два часа, — сказал он.

Я не сразу поняла.

— На что?

— Собрать вещи.

Во мне снова поднялась боль. Горячая, злая, почти чистая.

— Ты даже время назначил?

— Машина будет внизу в одиннадцать.

— Нет.

Он нахмурился.

— Что значит нет?

— Значит, я не поеду на твоей машине. Не поеду в твою квартиру. Не буду жить там, где ты решил.

— Таисия, не упрямясь.

— Не командуй.

Эти два слова прозвучали так резко, что он замолчал.

Я прошла мимо него в спальню.

Нашу спальню.

Большая кровать. Серое покрывало. Два светильника. Моя книга на тумбе, его часы рядом с зарядкой, аккуратно свернутая домашняя футболка на кресле. Вещи, которые

еще пять минут назад были частью жизни, а теперь выглядели как чужая постановка о счастливом браке.

Я достала чемодан.

Не самый большой.

Владислав остановился в дверях.

— Ты не понимаешь серьезности ситуации.

Я открыла шкаф.

— Да. Потому что ты ничего не объясняешь.

— Я не могу.

— Тогда не требуй от меня доверия.

Я сняла с вешалки платье. Потом второе. Потом остановилась.

Что берут из дома, в котором оставляют семь лет?

Документы. Деньги. Зарядку. Теплый свитер. Лекарства. Не свадебный альбом. Не чашку, которую он привез из первой командировки после нашей свадьбы. Не рубашку, в которой он однажды заснул на диване, а я накрыла его пледом и впервые подумала: этот человек мой.

Ничего из этого больше не было моим.

— Милана знает? — спросила я.

— Я уведомил ее, что тебе может понадобиться юридическая помощь.

Я повернулась.

— Уведомил?

Он понял ошибку. Поздно.

— Я попросил ее быть рядом.

— Как благородно.

— Таисия.

— Нет. Ты не имеешь права устраивать мою жизнь после того, как выбросил меня из своей.

— Я тебя не выбрасывал.

— А как это называется?

Он вошел в спальню, и пространство сразу стало меньше.

Владислав всегда так умел. Не давил жестами, не повышал голос, но рядом с ним воздух будто начинал жить по уставу.

Раньше мне казалось, это надежность.

Теперь я видела клетку.

— Я делаю то, что должен, — сказал он.

— Перед кем?

Он не ответил.

Я застегнула чемодан, хотя внутри лежала едва ли треть нужных вещей.

— Вот именно.

В прихожей я обулась, взяла сумку и пальто. Владислав шел за мной молча. У двери я остановилась.

Не потому, что сомневалась.

Потому что ждала.

Один раз.

Последний.

Скажи, что любишь. Скажи, что боишься. Скажи, что ошибся. Скажи хоть что-нибудь человеческое, а не правильное.

Он смотрел на меня.

— Я пришлю охрану.

Я тихо рассмеялась.

— Конечно прийдешь.

Открыла дверь.

В коридоре пахло холодным камнем и чужими духами. Где-то внизу хлопнул лифт. Обычный вечер в доме, где никто не знал, что у генеральской жены только что забрали статус, дом и последнюю иллюзию.

— Таисия, — сказал Владислав за моей спиной.

Я обернулась.

Он стоял в дверях нашей квартиры с папкой в руке. Высокий, собранный, почти безупречный. Мужчина, которого я любила так долго, что успела забыть, как жить без этой любви.

— Не доверяй никому, кто появится рядом с тобой в ближайшие дни.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Поздно, Владислав. Я уже семь лет доверяла тебе.

И пошла к лифту.

Телефон в сумке завибрировал, когда двери кабины начали закрываться.

Сообщение пришло с незнакомого номера.

Всего одна строка:

«Не возвращайтесь домой. И не садитесь в машину Аксенова».

Ни подписи. Ни объяснения.

Через стеклянные двери подъезда я увидела черный служебный автомобиль у тротуара.

А рядом с ним мужчину в темном пальто.

Он не смотрел на телефон. Не курил. Не двигался лишний раз.

Просто стоял под холодным светом фонаря и ждал меня так, словно уже знал: сегодня я выйду одна.

Я еще не знала его имени.

Но через несколько минут майор Ренат Сарматов станет первым человеком, который нарушит приказ моего бывшего мужа.

ГЛАВА 1. Жена без дома

На улице было холоднее, чем я ожидала.

Или просто внутри меня больше не осталось места для тепла.

Я вышла из подъезда с чемоданом в одной руке и телефоном в другой. Сообщение от неизвестного номера светилось на экране короткой черной угрозой:

«Не возвращайтесь домой. И не садитесь в машину Аксенова».

Я перечитала его дважды.

Потом подняла взгляд.

Черный служебный автомобиль стоял у тротуара, ровный, чистый, с темными стеклами. Таких машин я за семь лет брака видела достаточно, чтобы понимать: внутри мог сидеть водитель, охранник, помощник, человек без имени и с четкой инструкцией. Доставить. Сопроводить. Не обсуждать.

Раньше я садилась в такие машины спокойно.

Сегодня они казались продолжением чужой воли.

Мужчина у автомобиля не шел ко мне. Просто стоял рядом с задней дверью, будто знал, что торопить меня нельзя. Высокий, широкоплечий, в темном пальто без показной дороговизны. Не из тех, кто хотел произвести впечатление. Скорее из тех, кто привык оставаться незамеченным, пока не понадобится.

Я сжала ручку чемодана.

— Таисия Владиславовна?

Голос был низкий. Спокойный. Без нажима.

Я ненавидела спокойных мужчин этим вечером.

— Если вы от моего мужа, можете передать ему, что я не поеду.

Он чуть повернул голову к машине, потом снова посмотрел на меня.

— Я не от вашего мужа.

Ложь могла звучать как угодно. Эта прозвучала слишком ровно.

— Тогда от кого?

— Майор Ренат Сарматов. Управление внутренней безопасности.

Он достал удостоверение и раскрыл его на секунду. Не сунул мне под лицо, не стал ждать, пока я прочитаю каждую строку. Просто дал понять, что может подтвердить слова.

Я не взяла удостоверение.

— Поздравляю, майор. У вас неудачный вечер для знакомств.

— У вас тоже.

Я ожидала чего угодно. Приказа. Давления. Фразы в стиле Владислава: «Сейчас не время спорить». Но он сказал это без грубости, как факт. И от этого стало только хуже, потому что факт был точным.

Я оглянулась на окна нашего этажа.

Занавески в кухне были открыты. За стеклом стоял Владислав.

Даже с улицы я узнала его силуэт. Прямой, неподвижный. Он видел меня. Видел машину. Видел мужчину рядом со мной.

И не вышел.

Что-то болезненно сжалось под ребрами, но я заставила себя отвернуться первой.

— Кто прислал сообщение? — спросила я.

Ренат не сделал вид, что не понял.

— Я.

— Почему?

— Потому что в машине Аксенова сейчас не его водитель.

Я посмотрела на черный автомобиль.

Задняя дверь была закрыта. Двигатель работал, из выхлопной трубы тянулся белый пар. Водителя за темным стеклом видно не было.

— Откуда вы знаете?

— Потому что штатный водитель генерала находится у служебного входа управления. Без машины.

Я медленно вдохнула.

Холодный воздух обжег горло.

— Вы следите за моим мужем?

— Сегодня я слежу за вами.

— Прекрасно.

Я попыталась пройти мимо него к дороге, но Ренат сде-

лал полшага в сторону и оказался у меня на пути. Не коснулся. Не загородил грубо. Просто поставил себя так, что идти дальше означало почти врезаться в него плечом.

— Отойдите, — сказала я.

— Нет.

Я подняла глаза.

— Вы серьезно думаете, что после развода по приказу я буду слушаться еще и незнакомого майора?

В его лице ничего не дрогнуло, но взгляд стал внимательнее.

— Нет. Поэтому я не прошу вас слушаться. Я прошу вас прожить следующие десять минут.

Фраза была неправильной.

Не красивой. Не драматичной. Слишком конкретной, чтобы от нее отмахнуться.

За моей спиной хлопнула дверь подъезда.

Я обернулась.

Владислав вышел без пальто. В темной рубашке, в которой стоял на кухне, когда отдавал мне развод. На холоде его лицо выглядело еще жестче.

Он шел к нам быстро.

Не бежал. Генералы не бегают по дворам за бывшими женами. Они двигаются так, что пространство само уступает им дорогу.

— Сарматов, — произнес он.

В голосе не было удивления.

Значит, они знали друг друга.

Ренат не повернулся к нему сразу. Сначала посмотрел на меня.

— Отойдите на два шага к подъезду.

— Я не ваша подчиненная.

— Знаю.

— И не его.

— Это тоже знаю.

Только после этого он обернулся.

Владислав остановился в трех метрах от нас. Холодный свет фонаря лег на его лицо, подчеркнул резкую линию скул, усталость у глаз, жесткий рот.

— Почему ты здесь? — спросил он майора.

— Потому что вы отправили Таисию Владиславовну в машину, которую не проверили.

— Машина моя.

— Уже нет.

Пауза стала такой плотной, что я почти слышала, как под ней трещит воздух.

Владислав посмотрел на автомобиль.

Водительская дверь открылась.

Мужчина за рулем вышел медленно. Невысокий, в черной куртке, с коротко стриженными волосами. На лице обычная усталость человека, который просто ждал слишком долго. Но правая рука у него была опущена неестественно низко, возле кармана.

Я заметила это потому, что Ренат заметил первым.

Он шагнул передо мной.

— Руки из карманов, — сказал он.

Водитель улыбнулся.

— Я только хотел спросить, едем или нет.

— Руки.

Владислав резко повернулся к нему.

— Кто вы?

И вот тут стало по-настоящему страшно.

Не от оружия, которого я еще не видела. Не от незнакомого. От того, что Владислав не знал его.

Все эти годы я жила рядом с человеком, который мог закрыть любой вход, проверить любого водителя, просчитать любой риск. А сегодня риск стоял в пяти метрах от меня и улыбался.

Мужчина поднял руки.

Пустые.

На секунду я успела подумать, что все это ошибка. Нервный вечер, чужая проверка, слишком много страха.

Потом у черной машины распахнулась задняя дверь.

Второй человек выскочил почти бесшумно.

Дальше все произошло быстро.

Ренат ударил меня плечом назад, к подъезду. Не больно, но так резко, что я потеряла равновесие и вцепилась в ручку чемодана. Владислав рванулся к машине. Кто-то коротко выругался. Звук удара был глухой, страшно бытовой, будто

тяжелая сумка упала на асфальт.

Я видела только обрывки.

Рука в черной перчатке.

Металл.

Лицо Владислава, впервые не спокойное.

Ренат передо мной, закрывающий обзор спиной.

— В подъезд, — сказал он.

— Там моя квартира.

— Не в квартиру. В подъезд.

— А Владислав?

Ренат обернулся на долю секунды.

— Он умеет драться.

Это было не успокоение. Просто факт.

И, возможно, именно поэтому я подчинилась.

В подъезде пахло камнем, мокрой обувью и дорогим парфюмом соседки с шестого этажа. Я влетела внутрь, чемодан ударился о порог, больно дернул руку. Ренат вошел следом и сразу закрыл дверь. Не захлопнул, а прижал, удерживая ладонью.

Снаружи донесся короткий вскрик.

Я дернулась к стеклу.

— Стойте.

— Уберите руку.

— Нет.

Я посмотрела на него с такой злостью, что сама удивилась.

— Вы все одинаковые?

— Нет.

— Тогда перестаньте решать за меня!

Он наконец повернулся полностью.

Вблизи я увидела его лицо лучше. Не красивое в гладком, журнальном смысле. Сдержанное, взрослое, с темными глазами и небольшой свежей ссадиной у подбородка. Человек, который не жил легко и не считал это поводом для жалоб.

— Я сейчас не решаю вашу жизнь, — сказал он. — Я закрываю дверь.

За стеклом мелькнула тень.

Ренат резко потянул меня за локоть в сторону. В то же мгновение стекло входной двери треснуло от удара. Не разбилось, но по нему расплзлась белая паутина.

Я замерла.

Ренат отпустил меня сразу.

— Цела?

Я кивнула, хотя не была уверена.

Телефон завибрировал в моей руке. На экране высветилось имя Владислава.

Я приняла вызов.

— Таисия.

Его голос был ровный, но дыхание тяжелое.

— Что происходит?

— Отдай телефон Сарматову.

— Нет.

Пауза.

— Таисия, сейчас не время.

— Для чего? Для того, чтобы я снова молчала и передавала трубку старшему по званию?

Ренат смотрел на дверь. Не вмешивался.

Владислав молчал секунду. Потом произнес тише:

— Ты ранена?

— Нет.

— Хорошо. Слушай меня внимательно. Поднимись на третий этаж. Там запасной выход через пожарную лестницу. Сарматов знает.

Я посмотрела на Рената.

Он коротко кивнул.

— Ты знал, что это может случиться? — спросила я в трубку.

— Предполагал.

— И поэтому развелся со мной?

— Не сейчас.

Эти два слова окончательно добили остатки терпения.

— Да, конечно. Не сейчас. Никогда не сейчас.

— Таисия.

— Я поднимусь на третий этаж, потому что хочу жить. Не потому что ты приказал.

Я сбросила вызов.

Руки дрожали.

Ненавидела это. Дрожащие руки всегда выдавали больше, чем лицо. Лицо можно собрать. Руки хуже подчинялись гор-

дости.

Ренат взял мой чемодан.

— Я сама.

— На лестнице он будет мешать.

— Мне не нужна помощь из жалости.

— Это не жалость. Это вес.

Он сказал это так просто, что спор застрял у меня в горле.

Мы поднялись пешком. На втором этаже я услышала си-
рену где-то далеко, может, во дворе, может, на соседней ули-
це. На третьем Ренат открыл тяжелую дверь на пожарную
лестницу ключом, которого у него не должно было быть.

Я остановилась.

— Откуда ключ?

— Дом ведомственный.

— То есть весь мой дом был картой для чужих людей.

— Для ваших тоже.

— У меня больше нет «моих».

Он посмотрел на меня быстро. Не с сочувствием. С вни-
манием, от которого становилось трудно прятаться.

— Тогда начните с себя.

Я не успела ответить.

Мы вышли на узкую металлическую площадку. Внизу,
за двором, у служебного проезда стояла другая машина. Не
черная. Серая, неприметная, с грязным номером и потертой
дверью.

— Это тоже ваша? — спросила я.

— Сегодня да.

— Очень вдохновляет.

— Она заводится.

Я почти рассмеялась. Почти. Нервно, глупо, некстати.

Ренат первым спустился на несколько ступеней, потом поднял руку, чтобы помочь. Я проигнорировала ее и пошла сама.

На последнем пролете каблук соскользнул.

Ренат поймал меня за талию.

Всего на секунду.

Его ладонь была твердой и теплой даже через пальто. Я резко выпрямилась, и он сразу убрал руку. Не задержал. Не воспользовался растерянностью. Просто убедился, что я стою.

Странно, как много можно понять о мужчине по тому, как он отпускает.

У машины он открыл заднюю дверь.

Я не села.

— Куда вы меня повезете?

— В безопасное место.

— Если еще один мужчина произнесет это словосочетание, я ударю его чемоданом.

Ренат посмотрел на мой маленький чемодан.

— Он не выглядит опасным.

— Вы плохо знаете женские чемоданы.

В уголках его губ мелькнуло что-то почти живое. Не улыбка.

ка. Скорее память о ней.

— Адрес выберете вы, — сказал он. — Но не квартира, которую подготовил Аксенов. И не ваша подруга Милана. Ее дом уже могут ждать.

Вот тут страх вернулся.

— Милана в опасности?

— Если к ней сейчас поедете вы, да.

Я сжала телефон.

— Я должна предупредить ее.

— Предупредите из машины. Коротко. Без адресов.

— Вы постоянно так говорите?

— Как?

— Короткими инструкциями. У вас с генералом один учебник?

Он закрыл дверь, которую держал открытой, но не стал меня торопить.

— Разница в том, что я могу объяснить причину.

— Тогда объясняйте.

— Ваш рабочий кабинет сегодня опечатали. Официально — проверка документации. Неофициально — ищут запись консультации Никиты Селивана.

Имя ударило сильнее холода.

Никита.

Двадцать семь лет. Спасатель. Две недели назад сидел в моем кабинете, сцепив пальцы до белых костяшек, и говорил, что плохо спит. Что слышит в голове чужие команды.

Что в день операции кто-то приказал им идти туда, куда идти было нельзя.

Через три дня после консультации он погиб.

Официально — несчастный случай.

Я медленно опустила взгляд на телефон.

— Откуда вы знаете о Никите?

— Я вел внутреннюю проверку.

— По приказу моего мужа?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда против него?

Ренат не отвел глаз.

— Пока не знаю.

Эта честность была опаснее лжи.

Потому что ложь можно отвергнуть. А честность заставляет слушать дальше.

Сверху, с пожарной лестницы, донеслись шаги.

Ренат сразу изменился. В нем не появилось паники, но все лишнее исчезло: голос, взгляд, даже дыхание будто стали тише.

— В машину.

На этот раз я села.

Он положил чемодан на переднее сиденье, сам устроился за рулем и завел двигатель. Машина дернулась, потом выровнялась. Мы выехали со двора через служебный проезд как раз в тот момент, когда на площадке лестницы показался

мужской силуэт.

Я обернулась.

Не Владислав.

Чужой.

Он стоял наверху и смотрел нам вслед.

— Кто это? — спросила я.

— Один из тех, кто не должен был знать про запасной выход.

— А знал.

— Да.

Мы выехали на ночную улицу. Город был мокрым, серым, равнодушным. Светофоры отражались в асфальте длинными красными полосами. Люди шли по тротуарам, не подозревая, что в одной неказистой машине бывшая жена генерала пытается понять, кто теперь опаснее: враги мужа или сам муж.

Я набрала Милану.

Она ответила сразу:

— Тая? Ты где?

От ее голоса внутри стало больно. Живо. Почти по-домашнему.

— Не открывай никому дверь, — сказала я. — И если к тебе приедут от Владислава, не пускай.

— Что случилось?

Я посмотрела на Рената. Он следил за дорогой, но слушал каждое слово.

— Я подписала развод.

Милана выругалась тихо и очень четко.

— Где ты?

— Не могу сказать.

— Кто рядом?

Я помолчала.

— Майор Сарматов.

На другом конце линии стало тихо.

Слишком тихо.

— Тая, — произнесла Милана уже другим голосом. —
Держись рядом с ним.

Я похолодела.

— Ты его знаешь?

— Я знаю фамилию. И знаю, что если он рядом, значит,
дело хуже, чем Владислав мне сказал.

— А что он тебе сказал?

— Что ты должна быть вне дома до полуночи.

Я закрыла глаза.

До полуночи.

Значит, мой муж не просто выгнал меня. Он выводил меня из дома к конкретному времени.

— Милана, — сказала я медленно. — Найди все, что сможешь, по Никите Селивану. И по опечатанному кабинету.

— Уже ищу.

— И еще...

Я посмотрела на мокрое стекло, за которым проплывал

чужой город.

— Завтра я подам на развод официально. С моим адвокатом. С моими условиями.

— Ты уже подписала документы?

— Подписала его развод. Теперь будет мой.

Милана молчала секунду.

— Вот это уже похоже на тебя.

Я отключилась.

Ренат свернул с центральной улицы в тихий район старых административных зданий. Ни вывесок, ни яркого света. Только закрытые ворота, кирпичная стена и камера над аркой.

— Куда мы приехали?

— В место, которого нет в списке квартир Аксенова.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Просто информация.

Ворота открылись после короткого сигнала. Машина въехала во двор.

Я не сразу поняла, что дрожу уже не от холода.

Ренат заглушил двигатель, но не вышел.

— Таисия Владиславовна.

— Не называйте меня так. Сегодня это звучит как протокол.

— Таисия.

От моего имени в его голосе не стало теплее. Но оно вдруг перестало быть чужим.

Я повернулась к нему.

— Что вы от меня хотите?

— Чтобы вы вспомнили все, что сказал Никита Селиван на последней консультации.

— А потом?

— Потом мы решим, кому можно доверять.

— Мы?

— Да.

— Вы быстро записали меня в команду, майор.

Он посмотрел на меня прямо.

— Нет. Я только что увидел, как вы отказались от машины генерала, от его квартиры и от его приказа. Команду себе выбираете вы.

Я не ответила.

За последние два часа меня лишили брака, дома, привычной жизни и почти всех объяснений. Но странным образом именно сейчас, в серой машине рядом с чужим майором, я впервые за вечер почувствовала не пустоту.

А злость.

Настоящую. Твердую. Живую.

Я достала телефон и открыла заметки.

— Никита сказал одну фразу, — произнесла я. — Тогда я решила, что это травматический бред. Он повторял: «Приказ пришел не оттуда».

Ренат замер.

Только на мгновение. Но я увидела.

— Что? — спросила я.

Он вышел из машины, обошел ее и открыл мою дверь.

— Это значит, что ваш развод начался не сегодня.

Я подняла на него глаза.

— А когда?

Ренат протянул мне руку.

— В день, когда кто-то подменил приказ и оставил людей умирать.

И впервые за вечер я взяла его за руку.

ГЛАВА 2. Майор для бывшей

Двор за кирпичной стеной был слишком тихим.

Не пустым. Именно тихим. Как бывают тихими места, где люди привыкли не задавать вопросов вслух. За темными окнами старого административного здания горел свет, у въезда висела камера, под навесом стояла еще одна машина без ведомственных знаков. Ни вывески, ни таблички, ни случайного прохожего.

Я вышла из машины и сразу пожалела, что не взяла шарф.

Холод забрался под ворот пальто, коснулся шеи, и я машинально прижала к себе сумку. Глупый жест. В сумке не было ничего, что могло меня защитить. Документы, телефон, ключи от квартиры, в которую я уже не должна была возвращаться, и косметичка. Вся моя новая жизнь в кожаной сумке и маленьком чемодане на колесиках.

Ренат достал чемодан из машины.

— Где мы? — спросила я.

— В служебном помещении внутренней безопасности.

— Очень уютно.

— Для ночевки не предназначено.

— А для чего предназначено?

Он посмотрел на освещенное окно на втором этаже.

— Для разговоров, которые нельзя вести в управлении.

Ответ был честным ровно настолько, чтобы я поняла:

далее он все равно не скажет.

Раньше я бы промолчала.

Семь лет рядом с Владиславом научили меня самому опасному женскому навыку: угадывать границу, за которой мужчине становится неудобно объяснять. Я называла это зрелостью. Терпением. Уважением к его службе.

Теперь у этого навыка появилось другое имя.

Самоотмена.

— Майор, — сказала я, — если вы привезли меня сюда для разговора, начните с главного. Я задержана?

Ренат повернулся ко мне.

— Нет.

— Свободна?

— Формально да.

— Формально?

— Вы можете уйти. Но я не советую.

Я усмехнулась.

— Как аккуратно. Не запрещаете. Просто делаете так, чтобы я сама выбрала нужную вам дверь.

— Я делаю так, чтобы вы слышали угрозу до того, как решите, куда идти.

Он не повысил голос. Не стал давить. Но в его спокойствии было нечто другое, не генеральское. Владислав говорил спокойно, когда решение уже принято. Ренат — когда хотел, чтобы я не сорвалась раньше времени.

Это раздражало почти сильнее.

Потому что работало.

Мы вошли внутрь через боковую дверь. Узкий коридор встретил запахом мокрой верхней одежды, старого линолеума и крепкого кофе. На стене висели часы. Полночь приближалась слишком быстро.

В конце коридора за стеклянной перегородкой сидела женщина лет пятидесяти в сером кардигане. Она подняла глаза от монитора, посмотрела на Рената, потом на меня. Не удивилась. Это было хуже всего. В этот вечер все, кроме меня, будто заранее знали мою роль.

— Кабинет свободен, — сказала она. — Полковник звонил дважды.

— Я перезвоню, — ответил Ренат.

— Он сказал, срочно.

— Я слышал.

Женщина снова посмотрела на меня. Уже внимательнее. Не с жалостью, не с любопытством. С профессиональной оценкой: стоит на ногах, не в шоке, злится, значит, пока выдержит.

— Чай? — спросила она.

Я хотела отказаться. Из гордости, наверное. Но руки мерзли.

— Если можно.

— Можно, — коротко сказала она и встала.

Ренат провел меня в кабинет.

Комната была маленькой: стол, два стула, шкаф с папка-

ми, жалюзи на окне и диван у стены. Никакой домашности. Никаких попыток сделать место мягче. Зато на столе лежал чистый блокнот, стояла лампа, а в углу был электрический чайник.

Я поставила сумку на стул, но не села.

— Вы знали, что Владислав сегодня даст мне развод?

Ренат закрыл дверь.

— Нет.

— Но знали, что мне нужно уйти из дома до полуночи.

— Да.

— Откуда?

Он снял пальто, повесил на спинку стула. Под ним был темный свитер и кобура на ремне.

Я увидела оружие и замолчала.

Не потому, что испугалась самого пистолета. За годы брака с генералом оружие перестало быть для меня киношной деталью. Но одно дело видеть его на людях в форме, на официальных мероприятиях, в чужих руках. Другое — в маленьком кабинете, где ты только что подписала развод и еще не решила, кому верить.

Ренат заметил мой взгляд.

— Могу оставить за дверью.

— Чтобы я чувствовала себя спокойнее?

— Чтобы вы не думали о нем вместо разговора.

Я посмотрела ему в лицо.

— Оставьте.

Он вышел на несколько секунд. Вернулся уже без кобуры. Движение было простым, но почему-то выбило меня сильнее, чем если бы он начал убеждать, что мне нечего бояться.

Владислав никогда не убирал из комнаты свою силу. Он мог не демонстрировать ее, но она всегда оставалась рядом, как дополнительный аргумент.

Ренат сел напротив, но не за стол. На соседний стул, боком, чтобы между нами не было официальной перегородки.

— Вечером в одиннадцать сорок пять в вашей квартире должен был пройти обыск, — сказал он.

Я медленно опустилась на стул.

— Какой обыск?

— Неофициальный. Без постановления. Его бы оформили позже, если бы нашли нужное.

— Что именно?

— Носитель. Бумаги. Запись. Все, что могло остаться после консультации Никиты Селивана.

— У меня дома ничего не было.

— Они не могли этого знать.

— А Владислав?

Ренат не ответил сразу.

И эта пауза сказала больше, чем мне хотелось.

— Он знал, — произнесла я.

— Он знал о риске.

— Не смягчайте. Я не ваша пациентка.

— Я и не смягчаю.

— Тогда говорите прямо.

Ренат сцепил пальцы. На костяшках правой руки была свежая ссадина. Видимо, от драки у машины. Он даже не посмотрел на нее.

— Генерал Аксенов получил информацию, что вас могут использовать для давления на него и на проверку. Он решил вывести вас из дома так, чтобы формально вы уже не относились к нему как член семьи.

— Разводом.

— Да.

Слово прозвучало сухо. Но теперь за ним появилась конструкция. Холодная, ведомственная, почти аккуратная. Меня не бросили в порыве. Меня переставили на другое место в схеме.

От этого было не легче.

— Он решил, что если я стану бывшей женой, меня не тронут?

— Скорее, что удар по вам не станет прямым ударом по нему.

Я рассмеялась.

Тихо, плохо, без веселья.

— Какая забота.

— Таисия...

— Нет, майор. Не надо сейчас этого голоса. Я понимаю угрозу. Правда понимаю. Но вы оба почему-то не понимаете другого: нельзя спасать человека, разрушая ему жизнь и не

объясняя, куда бежать.

Ренат выдержал мой взгляд.

— Можно.

Я замерла.

— Что?

— Можно. Иногда приходится. Вопрос в том, имеешь ли ты потом право требовать благодарности.

Я не ожидала такого ответа.

Он не оправдал Владислава. Не осудил. Не подыграл мне из вежливости. Просто назвал вещь так, как видел. И в этом было что-то неприятно надежное.

В дверь постучали.

Женщина в кардигане принесла чай в простой кружке без рисунка, поставила передо мной и молча вышла. Чай был крепкий, горячий, с лимоном. Я обхватила кружку пальцами и только тогда поняла, как сильно замерзла.

— Кто вы в этой истории? — спросила я. — Только честно.

— Майор внутренней безопасности. Веду проверку по операции «Северный склон».

Название я слышала. Обрывками. В новостях говорили о трагедии на тренировочно-спасательном объекте за городом. О сложных погодных условиях, ошибке группы, потере связи. Владислав тогда трое суток почти не появлялся дома. На четвертые приехал, принял душ, выпил кофе и уснул сидя на диване.

Я укрыла его пледом.

Утром он сказал только: «Тяжелая ночь».

Тяжелая ночь. Четверо погибших. Один выживший с сорванным голосом и паническими приступами. Никита Селиван.

Мой пациент.

— Никиту направили ко мне через ведомственный центр,

— сказала я.

— Знаю.

— Тогда вы знаете, что я не имела права передавать содержание консультаций.

— Знаю.

— Но сейчас хотите, чтобы я нарушила профессиональную тайну.

— Нет.

Я подняла брови.

Ренат подался чуть вперед.

— Я хочу, чтобы вы вспомнили, не оставил ли Никита сведения, которые сам считал угрозой жизни. Если пациент сообщает о преступлении или риске для других людей, это уже другая зона.

Я молчала.

Он говорил правильно. Слишком правильно. Я сама не раз объясняла это стажерам: тайна важна, но она не должна превращаться в крышку над преступлением. И все же внутри сопротивлялось. Не закону. Не логике. А тому, что Никита

снова становился материалом дела.

Я видела его живым.

Не героем сводки. Не свидетелем. Молодым мужчиной с потемневшими от бессонницы глазами, который сидел на краю кресла и никак не мог расслабить плечи.

«Мне сказали, я сам виноват, — произнес он тогда. — Что я перепутал канал. Но я слышал. Я точно слышал».

— Он боялся не смерти, — сказала я наконец.

Ренат не перебил.

— Он боялся, что его сделают виноватым. Говорил, что в тот день приказ на эвакуацию пришел не с основного канала. Что голос был знакомый, но связь шла через резерв. Он пытался объяснить это комиссии, но его остановили.

— Кто?

Я закрыла глаза, восстанавливая кабинет, свет настольной лампы, Никитины руки, сжатые на подлокотниках.

— Он не назвал фамилию. Сказал: «человек генерала».

Ренат почти не изменился в лице.

Почти.

Но в комнате вдруг стало тесно.

— Вы думаете, он имел в виду Владислава? — спросила я.

— Я думаю, что кто-то хотел, чтобы он так думал.

— Почему?

— Потому что Аксенов подписал итоговый рапорт.

Я поставила кружку на стол.

— Конечно.

Все дороги возвращались к его подписи. К его молчанию. К его вечному «так надо».

— Вы поэтому пришли за мной? Чтобы найти доказательства против моего мужа?

— Бывшего мужа, — сказал Ренат.

Слово ударило точно.

Я подняла на него глаза.

— Осторожнее, майор.

— Простите.

— Нет, вы не случайно.

— Не случайно, — согласился он. — Вам придется привыкнуть к этой формулировке раньше, чем ею начнут бить другие.

Я отвернулась к окну.

За жалюзи ничего не было видно, только размытые пятна света. Бывшая жена генерала. Удобное словосочетание. В нем уже не было Таисии. Только чей-то статус после списания.

— Я не вещь, которую перевели в архив, — сказала я.

— Тогда не позволяйте им так с вами обращаться.

Я резко повернулась.

— Легко сказать.

— Нет. Нелегко. Поэтому я здесь.

— Чтобы помочь?

— Чтобы сопровождать.

Я усмехнулась.

— Вот мы и дошли.

Ренат встал, подошел к столу и достал из папки один лист.

Положил передо мной, развернув текст ко мне.

Я не хотела читать.

Но прочла.

Распоряжение о временном обеспечении безопасности гражданки Аксеновой Таисии Владиславовны. Срок — до окончания первичной проверки. Ответственный — майор Р. И. Сарматов.

Гражданки Аксеновой.

Даже после подписанного развода бумага держала меня его фамилией.

— Это подписал Владислав?

— Нет.

— Кто?

— Полковник Вилен Рахманов. Мой непосредственный руководитель.

— А Владислав знал?

— Да.

— И согласился?

— Он возражал.

Я неожиданно посмотрела на него.

— Почему?

— Хотел назначить своих людей.

— Конечно.

— И хотел, чтобы вас перевезли на квартиру, которую

подготовил он.

Я провела пальцем по краю листа.

— А вы почему вмешались?

Ренат молчал слишком долго.

За дверью зазвонил телефон. В коридоре кто-то прошел быстрым шагом. Здание жило своей ночной жизнью, а я сидела перед чужим майором и вдруг понимала: самый важный ответ он сейчас выбирает не из секретных сведений, а из личных.

— Потому что своих людей Аксенова уже знали, — сказал он. — Маршруты, машины, квартиры. Все, что он мог вам дать, было просчитано.

— А вы нет?

— Я неудобный.

— Для кого?

— Для всех сторон.

Впервые за вечер мне захотелось улыбнуться по-настоящему, но я сдержалась.

— Не самая успокаивающая характеристика.

— Зато рабочая.

Телефон Рената завибрировал на столе. Он посмотрел на экран и не взял.

Я успела увидеть имя: «Аксенов».

Сердце дернулось так унижительно быстро, что я разозлилась на себя.

— Ответьте.

— Не обязательно.

— Обязательно. Он все равно будет звонить мне.

Ренат принял вызов и включил громкую связь только после короткого взгляда на меня. Не самовольно. Спросил глазами. Я кивнула.

— Сарматов, — прозвучал голос Владислава.

Он был собран. Слишком собран для человека, на чью машину только что напали у собственного дома.

— Слушаю.

— Где моя жена?

Я закрыла глаза.

Моя жена.

Не «Таисия». Не «она». Моя жена. После подписанных документов, после приказа собрать вещи, после машины, в которую он хотел меня посадить.

— Она рядом, — ответил Ренат.

— Дай ей трубку.

— Она слышит.

Пауза.

— Таисия.

Я не ответила.

Ренат не стал заполнять тишину. За это я была ему почти благодарна.

— Ты в безопасности? — спросил Владислав.

В его голосе появилась хрипотца. Едва заметная. Раньше я бы ухватила за нее, как за доказательство чувства. Сегодня

не позволила себе.

— Не знаю, — сказала я. — Уточняю у майора.

— Я приеду.

— Нет.

— Это не обсуждается.

Я посмотрела на лист распоряжения.

— Ты удивишься, но теперь многое обсуждается без тебя.

На том конце стало тихо.

Ренат стоял у окна, отвернувшись, будто давал нам личное пространство. В маленьком кабинете это было почти смешно.

— Таисия, — произнес Владислав ниже. — Ты не понимаешь, с чем столкнулась.

— Потому что ты не сказал.

— Я не мог.

— Не хотел.

— Это разные вещи.

— Для тебя. Для меня результат одинаковый.

Он выдохнул. Не резко. Устало.

— Сарматов не должен быть рядом с тобой.

Ренат даже не повернулся.

А я вдруг почувствовала странную, почти опасную ясность.

Вот оно.

Не забота. Не только угроза. Еще и это: Владиславу было невыносимо, что рядом со мной оказался мужчина, которого

он не назначил и не контролировал.

— Почему? — спросила я.

— Он ведет проверку, в которой ты можешь стать свидетелем.

— Прекрасно. Значит, он хотя бы знает, зачем я ему нужна.

— Таисия.

— Что?

— Ты злишься.

— Да. Наконец-то.

Молчание снова стало тяжелым.

— Я заберу тебя утром, — сказал Владислав.

— Нет.

— Ты моя жена.

Я медленно посмотрела на документы о сопровождении, потом на свою руку. На безымянном пальце все еще было кольцо. Я забыла снять. Или не смогла.

Семь лет не исчезают за один вечер. Даже если вечер очень старается.

Я сняла кольцо.

Не драматично. Не бросила. Просто стянула с пальца и положила на стол рядом с распоряжением.

Металл тихо стукнул о дерево.

Ренат услышал.

Владислав — нет.

— Уже нет, — сказала я.

И отключила звонок сама.

Рука дрожала, но теперь я не стала ее прятать.

Ренат посмотрел на кольцо. Потом на меня.

— Вы можете пожалеть.

— О разводе?

— О том, что сказали это сейчас.

Я кивнула.

— Могу.

— Тогда зачем?

— Потому что если я буду ждать момента, когда не больно, я никогда ничего не скажу.

Он принял это без комментариев.

И именно поэтому я вдруг захотела рассказать больше.

— Никита в последнюю встречу оставил у меня конверт,
— сказала я.

Ренат замер.

— Вы говорили, дома ничего нет.

— Дома нет.

— Где он?

Я посмотрела на свою сумку.

— В моем кабинете.

— Ваш кабинет опечатан.

— Не в столе. Не в сейфе. Он боялся официальных мест.

— Где?

Я вспомнила Никиту, его странную просьбу, мое раздражение в тот день, потому что я опаздывала на ужин, на ко-

тором Владислав так и не появился.

«Можно я оставлю это у вас? Не как улику. Просто чтобы не у меня».

Я тогда сказала: «Если это связано с делом, вам нужен юрист».

А он ответил: «Если я пойду к юристу, до утра не доживу».

Я не поверила до конца.

Через три дня он умер.

Вина поднялась тихо и глубоко.

— В комнате для групповой терапии есть шкаф с детскими материалами, — произнесла я. — Пластилин, бумага, краски. Нижний ящик заедает. Никита положил конверт под заднюю стенку.

Ренат уже взял телефон.

— Кому вы звоните?

— Никому. Пишу.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Что нет?

— Я поеду с вами.

— Это невозможно.

— Тогда я не скажу, какой именно шкаф.

Ренат медленно опустил телефон.

— Таисия, ваш центр под наблюдением.

— Тем более вам нужен человек, который знает входы.

— Мне нужен живой свидетель.

— А мне нужно перестать быть грузом, который перевозят между мужчинами с полномочиями.

Он смотрел на меня долго.

Я почти видела, как в нем сталкиваются приказ, здравый смысл и что-то еще. Не симпатия. Не жалость. Скорее уважение, которое он пока не хотел признавать.

— Вы понимаете, что это не прогулка за забытым зонтом?

— Да.

— Если мы поедem, вы выполняете мои инструкции сразу.

— Нет.

Его лицо стало жестче.

— Тогда разговор окончен.

— Я выполняю инструкции, если понимаю причину. Не потому, что вы мужчина со званием.

Пауза.

Потом он коротко кивнул.

— Справедливо.

Я не ожидала, что он согласится.

Наверное, это отразилось на лице, потому что в его взгляде мелькнула усталость.

— Таисия, я не Аксенов.

— Все мужчины, которые это говорят, обычно очень стараются доказать обратное.

— Тогда проверяйте.

Он надел пальто.

Я взяла сумку и кольцо со стола.

Не надела. Просто убрала во внутренний карман. Не как память. Как доказательство, что оно больше не управляет моей рукой.

В коридоре женщина в кардигане поднялась из-за стола.

— Ренат Ильич?

— Мы выезжаем.

— Полковник запретил.

— Я слышал.

Она посмотрела на меня, потом снова на него.

— Значит, я вас не видела.

— Спасибо, Лидия Петровна.

Мы вышли во двор. Ночь стала плотнее, мокрый асфальт блестел под фонарями. Где-то за стеной проехала машина, и я вздрогнула от обычного городского звука.

Ренат открыл пассажирскую дверь.

— На заднее сиденье безопаснее.

Я посмотрела на него.

— Но вы открыли переднюю.

— Вы сказали, что не хотите быть грузом.

Странно.

Всего одна фраза. Ничего романтического, ничего ласкового. Но она попала туда, где за семь лет накопилось слишком много маленьких, никем не замеченных унижений.

Я села вперед.

Ренат обошел машину, сел за руль и завел двигатель.

— До центра двадцать минут, — сказал он. — По дороге

вы расскажете план здания.

— А вы расскажете, почему Владислав считает, что вы не должны быть рядом со мной.

Он посмотрел на дорогу.

— Потому что однажды я уже доказал, что его приказ может быть ошибочным.

— И чем это закончилось?

Машина выехала из двора.

На секунду свет фар выхватил из темноты ворота, мокрую кирпичную стену и камеру над аркой. Потом все осталось позади.

— Для меня — понижением, — сказал Ренат. — Для него — спасенными людьми.

Я повернулась к нему.

— А теперь?

Он не сразу ответил.

— Теперь посмотрим, кого придется спасать от правды.

И впервые за эту ночь мне стало ясно: развод был только дверью.

А за ней начиналась история, в которой мой бывший муж мог оказаться не главным врагом.

И не главным человеком, который изменит мою жизнь.

ГЛАВА 3. Кабинет под печатью

Центр психологической помощи ночью выглядел чужим.

Днем здесь всегда было слишком много голосов: родители в коридоре, спасатели после смен, сотрудники у стойки, чей-то смех из комнаты отдыха, тихий плач за закрытой дверью кабинета. Ночью здание стало плоским и холодным. Окна без света, металлическая вывеска над входом, мокрые ступени.

Ренат остановил машину не у главного входа, а за квартал.

— Дальше пешком, — сказал он. — Камеры у фасада могут быть уже подключены к тем, кто ищет конверт.

Я посмотрела на здание через лобовое стекло.

— Вы всегда так спокойно говорите неприятные вещи?

— Нет. Иногда молчу.

— Не лучшая реклама.

Он заглушил двигатель и повернулся ко мне.

— У нас есть два варианта. Первый: я захожу один, вы остаетесь в машине и через пятнадцать минут получаете ответ.

— Нет.

— Я еще не сказал второй.

— Мне хватило первого.

В его взгляде не было раздражения. Только усталое понимание, что легкой ночи у нас уже не будет.

— Второй вариант: вы идете со мной. Делаете ровно то, о чем мы договоримся заранее. Если я говорю остановиться, вы останавливаетесь. Если говорю выйти, выходите. Если видите кого-то знакомого, не зовете по имени.

— Почему?

— Потому что знакомый человек ночью в опечатанном здании может оказаться не на вашей стороне.

Я хотела ответить резко, но не смогла.

Слишком много за последние часы стало именно таким: знакомым и небезопасным.

Я расстегнула ремень.

— Второй вариант.

Ренат не сразу вышел. Сначала достал из бардачка тонкие перчатки и протянул мне.

— Наденьте.

— Чтобы не оставить следов?

— Чтобы не добавит новых. Следы там уже есть.

Я надела перчатки. Они оказались чуть велики, пальцы внутри скользили. Глупая деталь, но от нее происходящее стало еще реальнее. Не разговоры. Не эмоции. Ночь, чужая машина, перчатки, опечатанный кабинет, мертвый пациент и бывший муж, который знал больше, чем сказал.

Мы шли по мокрому тротуару молча.

Я знала этот район до мелочей. Летом возле центра продавали кофе на вынос. Зимой дворник сыпал ступени солью так щедро, что белые разводы потом оставались на полу

до апреля. Утром через дорогу открывалась пекарня, и в мой кабинет иногда пробирался запах горячего теста.

Сейчас ничего этого не было.

Только темные витрины, редкие машины и ощущение, что город специально притворяется обычным.

— Служебный вход во двор, — сказала я. — Там кодовый замок. Код меняли месяц назад.

— Помните?

— Я там работаю, майор.

— Уже не факт.

Я остановилась.

Он тоже.

Фраза была жесткой, но не злой. От этого она прозвучала точнее.

— Что значит?

— После опечатывания кабинета вас могут временно отстранить. Формально — до проверки документации.

— Они не имеют права.

— Имеют много способов сделать вид, что имеют.

Я отвернулась к центру.

В груди поднялось знакомое чувство: не страх, а унижение. Очень конкретное, почти физическое. Как будто кто-то аккуратно снимает с тебя слой за слоем: дом, фамилию, работу, право на спокойную злость. И все это под правильными словами.

Безопасность. Проверка. Необходимость.

— Тогда тем более я должна войти первой, — сказала я.

— Нет.

— Ренат.

Он впервые чуть заметно отреагировал на имя без звания.

Не смягчился, но взгляд изменился.

— Если там кто-то есть, вас узнают сразу.

— А вас нет?

— Меня узнают позже.

— Удобное преимущество.

— Единственное, которое у нас есть.

Мы обошли здание через двор. Металлическая калитка открылась не с первого раза: замок заел от сырости. Я ввела код, и тихий писк показался слишком громким.

Во дворе пахло мокрой листвой и мусорными баками. Окна служебного крыла были темные. На втором этаже, где находился мой кабинет, жалюзи опущены.

Ренат поднял голову.

— Где комната для групповой терапии?

— Первый этаж. Левое крыло. Но изнутри проход через холл. Если главный коридор перекрыт, придется идти мимо моего кабинета.

— Печати на двери могут быть?

— Должны быть.

— Не трогаем.

— А если конверт уже забрали?

Он посмотрел на меня.

— Тогда узнаем, кто успел раньше.

Ответ не успокоил. Но я уже поняла: этой ночью мне никто не будет обещать хорошее только потому, что я едва держусь.

И странно, но это помогало держаться крепче.

Служебная дверь открылась моим ключом.

Я почти ждала, что он не сработает. Что меня уже стерли из системы, как стирают фамилию из списка доступа. Но замок щелкнул, и дверь поддалась.

Внутри было темно.

Ренат вошел первым. Не включил свет. Поднял телефон, но экран не зажег. Вместо этого достал маленький фонарик с узким лучом.

— Закройте дверь тихо.

Я закрыла.

Коридор, по которому я ходила сотни раз, стал похож на декорацию после спектакля. Стойка администратора. Стенд с расписанием групп. Детские рисунки на стене. Цветок в кадке, который постоянно забывали поливать. Все знакомое, но будто отодвинутое на шаг от реальности.

Мы прошли мимо регистратуры.

На столе администратора лежала раскрытая папка. Так не оставляли. У нас была занудная, строгая система: документы убирались в шкаф, ключ сдавался дежурной смене. Я оставилась.

— Что?

Ренат повернул луч фонаря к столу.

— Папка не должна лежать здесь.

Он подошел ближе, не касаясь бумаги.

— Чья?

Я наклонилась.

Список пациентов на неделю. Мои группы. Напротив фамилии Селиван стояла красная пометка: «архив».

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— У нас так не помечают умерших.

— А как?

— Никак. Внутри базы меняется статус. В распечатках не пишут «архив».

Ренат сфотографировал страницу.

— Кто имел доступ?

— Администраторы, заведующая, я, еще двое специалистов. Но бумажные списки печатает смена.

— Сегодня кто был?

— Лариса. Она не стала бы.

— Не защищайте людей по привычке.

Я резко посмотрела на него.

— Я не по привычке. Я знаю ее пять лет.

— А мужа знали семь.

Это было жестоко.

И попало точно.

Я хотела сказать, что он не имеет права. Что он не знает Владислава, не знает меня, не знает, как живут рядом с чело-

веком, который приходит домой с чужими смертями в глазах и не умеет положить их у порога.

Но слова застряли.

Потому что я знала мужа семь лет. И сегодня стояла ночью в своем центре с майором, а не дома.

— Принято, — сказала я. — Больше никого заранее не оправдываю.

Ренат кивнул. Не победно. Спокойно.

Мы пошли дальше.

У двери моего кабинета действительно висели печати. Две бумажные полосы крестом, подписи, дата, штамп. На ручке — пластиковая пломба.

Я остановилась.

Вот и все.

Комната, в которой я годами собирала чужие голоса, стала объектом проверки.

— Не смотрите долго, — тихо сказал Ренат.

— Почему?

— Потому что если начнете прощаться, войти в следующую дверь будет труднее.

Я повернулась к нему.

— У вас был опыт?

— Да.

— С чем вы прощались?

— С работой, которая мне нравилась.

— Из-за Аксенова?

Он не ответил.

Комната для групповой терапии была дальше по коридору.

Дверь оказалась открыта.

Я замерла на пороге.

— Она должна быть закрыта.

Ренат поднял руку, останавливая меня, и вошел первым.

Тишина внутри была слишком ровной.

Луч фонаря прошел по кругу: стулья вдоль стены, флип-чарт, коробка с мягкими игрушками для детских групп, шкафы с материалами, стол у окна. Ничего перевернутого. Никакого видимого беспорядка.

И все равно я сразу поняла: здесь искали.

— Они уже были здесь.

— Где шкаф?

Я показала на дальний угол.

Нижний ящик действительно заедал. Я знала, как потянуть: чуть вверх, потом на себя. Ренат присел рядом, но не полез сам.

— Покажите.

Я опустила на колено.

В перчатках было неудобно. Пальцы цеплялись за край ящика, пластик тихо скрипнул. Я потянула вверх, потом на себя.

Ящик выехал.

Бумага. Пластин. Старые ножницы с тупыми концами.

Пакет с цветными лентами. Все на месте.

Но задняя стенка была чуть сдвинута.

Сердце ударило так сильно, что я услышала пульс в ушах.

— Здесь.

Ренат направил фонарь ниже.

Я просунула руку за стенку. Пальцы коснулись пустоты.

Потом картона.

Конверт был там.

Я вытянула его медленно, почти боясь порвать.

Обычный белый конверт без подписи. Немного помятый.

На сгибе — серый след от пальцев. Никита держал его так же, как держал подлокотник кресла: с силой человека, которому кажется, что если отпустит, исчезнет последнее доказательство его правоты.

Я села прямо на пол.

— Он правда оставил.

Голос прозвучал глухо.

Ренат не стал забирать конверт.

— Откройте вы.

— Почему?

— Он оставил его вам.

Вот от этого стало хуже.

Потому что «вам» означало не функцию, не свидетеля, не бывшую жену генерала. Меня. Таисию, которая не поверила до конца, когда должна была поверить.

Я вскрыла конверт.

Внутри лежала флешка и сложенный лист.

На листе было написано неровным почерком:

«Если я не перепутал, значит, нас послали туда специально. Если перепутал — я убил их сам. Я больше не понимаю, чему верить. Но голос был не с основного канала. И в записи это слышно».

Ниже:

«Скажите Аксенову, что его человек врет».

Я перечитала последнюю строку несколько раз.

Скажите Аксенову.

Не «Аксенов врет». Не «генерал виноват».

Его человек.

— Ренат, — сказала я тихо.

Он уже смотрел на лист.

— Я вижу.

— Это меняет дело?

— Это меняет вашу роль.

Я подняла голову.

— В какую сторону?

— В опасную.

В коридоре что-то щелкнуло.

Не громко. Как будто закрылась дверь. Или кто-то наступил на пластиковую крышку.

Ренат погасил фонарь.

Темнота упала сразу.

Я замерла с конвертом в руках.

Он наклонился к самому моему уху. Его голос стал почти беззвучным:

— Не двигаетесь. Дышите тихо.

Шаги в коридоре были едва слышны.

Один человек. Может, двое. Слишком осторожные для охраны, слишком поздние для сотрудников.

Я сидела на полу между шкафом и столом, в комнате, где днем люди учились говорить о страхе. И впервые за много лет поняла: страх бывает полезным. Он выжигает лишнее. Оставляет только главное.

Конверт.

Флешка.

Живой человек рядом.

И дверь, за которой кто-то искал нас в темноте.

Ренат медленно протянул руку. Не к оружию — его у него не было. К моему запястью. Коснулся двумя пальцами, предупреждая.

Я кивнула, хотя он вряд ли видел.

Дверь комнаты приоткрылась.

Узкая полоса света прошла по полу.

— Тут пусто, — сказал мужской голос из коридора.

Я не знала этот голос.

Но второй ответил так тихо, что я сначала не разобрала слов.

— Проверь шкафы. Она могла спрятать запись здесь.

Она.

Не «доктор Корнилова». Не «Аксенова».

Она.

Меня искали не как случайного свидетеля. Меня уже внесли в чужой план.

Ренат сжал мое запястье на секунду и отпустил.

Я поняла без слов: назад.

За шкафом была узкая ниша, где раньше проходила труба отопления. Мы использовали ее, чтобы хранить складные маты. Сейчас маты стояли у стены, и за ними оставалось немного места.

Я осторожно сдвинулась.

Колено больно ударилось о край ящика. Я замерла, ожидая, что звук выдаст нас. Но в коридоре кто-то заговорил громче, и удар потерялся.

— Печати на кабинете целые, — сказал первый.

— Значит, искала не там.

— А если конверта нет?

— Тогда у нас проблема.

— У нас?

— Не цепляйся к словам.

Ренат двигался почти бесшумно. Он не прятался со мной в нишу. Остался ближе к двери, сбоку, там, где его не должно было быть видно сразу.

Я хотела прошептать, чтобы он не рисковал.

Не прошептала.

Потому что любое слово сейчас могло убить нас обоих.

В комнату вошел мужчина.

Луч фонаря прошел по стене, по стульям, по флипчарту, скользнул по полу рядом с моим ботинком. Я прижала конверт к груди так сильно, что край бумаги впился в ладонь.

Мужчина подошел к шкафу.

Слишком близко.

Я видела его ноги. Черные ботинки, мокрые носки, темная ткань брюк. Он присел, выдвинул верхний ящик. Потом средний.

Нижний уже был открыт.

— Кто-то был здесь, — сказал он.

Второй шагнул к двери.

— Уверен?

— Ящик сдвинут.

Свет дернулся.

И в этот момент Ренат ударил.

Не красиво. Не как в кино. Быстро, жестко, без лишнего движения. Мужчина у шкафа даже не успел развернуться. Ренат перехватил его руку, развернул корпусом в сторону стола, и тот ударился бедром о край. Фонарь выпал, покатился по полу.

Второй рванулся внутрь.

Я не думала.

Просто схватила коробку с пластилином и швырнула ему под ноги.

Коробка раскрылась, цветные бруски рассыпались по по-

лу. Мужчина поскользнулся, ругнулся и на секунду потерял равновесие. Ренату хватило этой секунды. Он ударил его плечом в грудь, прижал к стене и резко выкрутил руку.

— На пол, — сказал он.

— Ты кто такой?

— Тот, кто спросит первым.

Первый мужчина попытался подняться.

Я схватила со стола тяжелый дырокол и направила на него, как будто это было оружие.

Он посмотрел на меня.

Даже в полумраке я увидела его усмешку.

— Серьезно?

— После сегодняшнего вечера я могу очень творчески использовать канцелярию.

Он перестал улыбаться.

Ренат коротко взглянул на меня.

— К двери. Сейчас.

— А они?

— Их задача была найти запись. Наша — вынести ее.

— Но они видели нас.

— Поэтому сейчас.

Я сунула флешку во внутренний карман пальто, лист сложила и убрала туда же. Конверт оставила в ящике. Пустой. Пусть потом думают, сколько успели забрать.

Мы вышли в коридор быстрым шагом.

Не побежали. Бег сразу делает человека добычей. Ренат

шел рядом, чуть сзади, прикрывая меня корпусом. За спиной раздался удар, потом хриплый мат.

— Они освободятся, — сказала я.

— Да.

— Как скоро?

— Уже.

Мы свернули к служебному выходу.

И там остановились.

За матовым стеклом двери двигалась тень.

Еще один.

Ренат выключил фонарь и потянул меня в боковой коридор.

— Есть другой выход?

— Через подвал. Но ключ у завхоза.

— У вас?

— Нет.

— Окно?

— В архиве. Решетка старая.

— Ведите.

Архив находился рядом с моим кабинетом.

Мне пришлось пройти мимо печатей снова. На этот раз я не остановилась. Не позволила себе. Жалость к комнате можно оставить на потом, если потом будет.

Дверь архива была заперта, но мой ключ подошел. Внутри пахло бумагой, пылью и чем-то металлическим. Узкие стеллажи, коробки, папки с прошлыми годами. Окно в конце

действительно было с решеткой, которую давно собирались заменить.

Ренат подошел к нему, проверил крепление.

— Держится на двух болтах.

— Вы сможете?

— Не один.

Он посмотрел на металлический шкаф у стены.

— Нужен рычаг.

Я вспомнила.

— Внизу, у батареи. Мы подпирали им окно летом.

Там лежал старый ломик, короткий, облезлый. Я всегда просила убрать его, потому что выглядел он опасно и неуместно в центре психологической помощи.

Никогда еще не была так рада собственной неубедительности.

Ренат вставил ломик между решеткой и стеной.

— Держите раму.

Я уперлась обеими руками. Холодный металл обжег перчатки. Ренат нажал. Болт скрипнул. Где-то в коридоре хлопнула дверь.

— Быстрее, — прошептала я.

— Я стараюсь.

— Это не упрек.

— Похоже на него.

— У меня стресс.

Второй болт пошел легче. Решетка отошла от стены с су-

хим хрустом. Ренат открыл окно. Снаружи был узкий приямок, мокрый бетон и запах земли.

— Сначала вы.

Я посмотрела вниз.

— Там грязно.

Он на секунду замер.

Потом в темноте я услышала его короткий выдох. Почти смех.

— Таисия, у вас в кармане улика по делу о гибели людей, за дверью вооруженные неизвестные, а вас волнует грязь?

— Меня волнует, что это мои единственные приличные брюки.

— Я куплю вам новые.

Фраза вылетела у него автоматически, и мы оба замолчали.

Не потому, что в ней было что-то особенное. Просто за последние часы мне никто ничего не обещал, кроме опасности и контроля. А тут — нелепые новые брюки посреди побега через окно.

Я первой отвернулась.

— Запомнила. Свидетель есть.

Я вылезла в приямок неловко, зацепилась пальто за край рамы, едва не упала, но удержалась. Ренат оказался рядом через несколько секунд. Закрыв окно изнутри уже невозможно было, и это почему-то казалось неприличным: как оставить после себя открытой дверь в прежнюю жизнь.

Мы выбрались во двор с другой стороны здания.

До машины было далеко. Слишком далеко.

— Не туда, — сказал Ренат, будто прочитал мою мысль.

— Они будут искать машину.

— Куда тогда?

— В люди.

— Ночь.

— Вон круглосуточная аптека.

Мы вышли на улицу через арку между домами.

Аптека светилась зеленым крестом в конце квартала.

Внутри за стеклом стояла скучающая провизор. Обычная жизнь. У нее, наверное, были смена, чай в термосе, сообщения от дочери, список лекарств на утро.

Я вдруг почти позавидовала ей.

Мы вошли в аптеку.

Колокольчик над дверью прозвенел слишком бодро.

Провизор подняла глаза.

— Доброй ночи.

Ренат взял с полки бинт, антисептик и упаковку пластырей.

— Оплата картой?

— Да.

Я стояла рядом и смотрела на свои перчатки. На пальцах была пыль из архива. На пальто — следы грязи. На лице, наверное, все еще держалась маска женщины, которая пытается не развалиться при свидетелях.

— У вас кровь, — сказала провизор.

Я дернулась.

— Где?

Она показала на Рената.

У него была рассечена кожа над бровью. Тонкая струйка крови дошла до виска. В темноте архива я не заметила.

— Это не мое, — сказал он.

Провизор посмотрела на него сухо.

— Кровь обычно чья-то.

Я неожиданно рассмеялась.

Тихо, нервно, но по-настоящему. Ренат посмотрел на меня, и в его глазах впервые появилось что-то мягкое. Не нежность. До нее было далеко. Просто живой отклик.

Мы вышли из аптеки через пять минут.

Дождь усилился.

Ренат повел меня не к машине, а к остановке ночного автобуса.

— Вы серьезно?

— Самый безопасный транспорт сейчас — тот, который никто не выбрал бы для бывшей жены генерала.

Я села на мокрую лавку под навесом.

— Бывшая жена генерала с уликой в кармане едет на ночном автобусе. Звучит как начало плохого анекдота.

Ренат разорвал упаковку пластыря.

— Повернитесь.

— Сами справитесь?

— У меня кровь над глазом. Неудобно.

Я взяла у него салфетку и антисептик.

Он наклонился, чтобы мне было легче дотянуться. Так близко, что я увидела капли дождя на его ресницах, мелкую морщину у виска, усталость, которую он держал не хуже Владислава, но почему-то не прятал до конца.

Я обработала рану.

— Больно?

— Терпимо.

— Все мужчины со званиями отвечают одинаково?

— Нет. Некоторые говорят «нормально».

Я не удержалась и снова почти улыбнулась.

Пластырь лег криво.

— Плохой из меня полевой медик.

— Зато хороший свидетель.

Слово вернуло нас обратно.

Я достала из кармана флешку, зажатую в кулаке.

— Что теперь?

Ренат сразу стал серьезным.

— Не здесь.

— Она настоящая?

— Скорее всего.

— А если на ней ничего нет?

— Тогда кто-то убивал за пустоту.

— Вы умеете успокаивать, майор.

— Я не хочу, чтобы вы строили надежду на неизвестном.

Я посмотрела на пустую дорогу. Где-то далеко показались фары автобуса.

— А на чем ее строить?

Он помолчал.

— На том, что Никита не молчал. На том, что вы вспомнили. На том, что запись пока у нас.

У нас.

Опасное слово. Слишком теплое для такой ночи. Слишком нужное для человека, которого несколько часов назад вычеркнули из собственного брака.

Автобус подъехал, шипя тормозами.

Мы вошли через среднюю дверь. В салоне сидели трое: пожилой мужчина с пакетом, девушка в наушниках и сонный парень у окна. Никто не посмотрел на нас дольше секунды.

Я села рядом с окном.

Ренат встал у прохода, держась за поручень. Не сел рядом. Оставил мне пространство.

И именно это пространство вдруг оказалось внимательнее любых объятий.

Телефон в кармане завибрировал.

Я достала его, уже зная, кто пишет.

Владислав.

«Где ты?»

Следом второе сообщение:

«Сарматов не тот, кем кажется».

Я смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

Потом пришло третье:

«И если он увез тебя в центр, уезжай от него немедленно».

Я подняла глаза на Рената.

Он стоял в проходе под тусклым автобусным светом, с криво наклеенным пластырем над бровью, грязью на пальто и выражением человека, который снова выбрал неудобный путь.

— Что-то случилось? — спросил он.

Я могла показать ему телефон.

Могла спрятать.

Еще вчера я бы автоматически выбрала сторону мужа. Не потому, что он всегда был прав. Потому что быть его женой значило стоять рядом, даже когда тебя не посвящают в причину.

Сегодня я впервые не знала, что значит быть собой.

Я повернула экран к Ренату.

Он прочел сообщения.

Лицо не изменилось.

— Он прав, — сказал он.

У меня перехватило дыхание.

— В чем?

Автобус тронулся, и свет аптеки поплыл назад по мокрому стеклу.

Ренат посмотрел на меня сверху вниз.

— Я действительно не тот, кем кажусь. Я не просто веду проверку по Никите Селивану.

Он сделал паузу.

— Я был на связи с группой в день операции. И слышал подмененный приказ сам.

ГЛАВА 4. Генерал возвращает вещи

Автобус вез нас через ночной город так медленно, будто у него тоже не было сил доехать до конца маршрута.

Я сидела у окна и смотрела, как мокрые фонари растягиваются по стеклу длинными мутными полосами. В кармане пальто лежала флешка Никиты. В другом — мое обручальное кольцо. Странное соседство: доказательство чужой смерти и доказательство моей бывшей жизни.

Ренат стоял рядом, держась за поручень.

После его слов в салоне стало теснее.

«Я был на связи с группой в день операции. И слышал подмененный приказ сам».

Я ждала, что он продолжит.

Он молчал.

Не потому что хотел меня наказать тишиной. Это я уже умела различать. Владислав молчал, когда считал разговор лишним. Ренат молчал, когда выбирал, какие слова не навредят делу и человеку одновременно.

Но мне от этого было не легче.

— Вы не договорили, — сказала я.

Девушка в наушниках у двери не подняла головы. Пожилой мужчина с пакетом дремал, привалившись к стеклу.

Сонный парень в конце салона листал телефон.

Обычная ночь. Обычные люди. И мы с майором, у которого над бровью криво держался пластырь, обсуждали приказ, из-за которого погибли спасатели.

— Не здесь, — ответил Ренат.

Я почти усмехнулась.

— У вас с Владиславом один любимый ответ на все неудобные вопросы.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Разница в том, что я отвечаю.

— Когда?

— Через двадцать минут.

— Это обещание?

— Да.

Я отвернулась к окну.

Слово «обещание» прозвучало просто, без торжественности. И от этого почему-то оказалось тяжелее. В браке с генералом я слишком часто жила на догадках. На «потом», «не сейчас», «ты не должна в это вмешиваться». Обещание, которое имело время и границы, казалось почти роскошью.

Автобус остановился у пустого сквера.

— Выходим, — сказал Ренат.

На улице дождь стал мелким и злым. Такой не падает стеной, но через пять минут пробирается под воротник, в волосы, в рукава, в мысли. Мы прошли через сквер, обогнули закрытое кафе и вышли к старому пятиэтажному дому с тем-

НЫМ ПОДЪЕЗДОМ.

— Это безопасное место? — спросила я.

— Достаточно.

— Опять слово, от которого хочется бежать.

— Полностью безопасных мест сегодня нет.

Я посмотрела на облупленную дверь подъезда.

— Впечатляющий уровень комфорта.

— Зато в списках Аксенова этого адреса нет.

— А в ваших?

— Теперь есть.

Он ввел код. Дверь открылась с тяжелым скрипом.

В подъезде пахло сыростью, кошачьим кормом и чужой жизнью. На первом этаже кто-то оставил детский велосипед с розовыми ручками. На стене висело объявление о замене труб. Лифта не было.

— Третий этаж, — сказал Ренат.

— Конечно. После побега через окно и ночного автобуса мне как раз не хватало лестницы.

— Можно остановиться.

— Не дождетесь.

Я поднялась первой.

Квартира оказалась маленькой, но чистой. Узкая прихожая, кухня с белыми фасадами, одна комната, диван, шкаф, стол у окна. Никакого уюта на показ. Никаких фотографий, сувениров, пледов с милыми узорами. Место, где можно пережить ночь, но нельзя притвориться, что ты дома.

Ренат включил свет и сразу прошел к окну. Проверил двор, шторы, замок на балконной двери. Потом достал из шкафа старый ноутбук.

— Здесь нет сети, — сказал он. — Посмотрим флешку автономно.

Я сняла пальто и повесила его на спинку стула. Потом достала флешку.

Она была маленькая, черная, без маркировки. На вид — ничего особенного. Кусок пластика, который мог изменить чужие карьеры, чужие приговоры и, возможно, мою жизнь.

— Если там запись, почему Никита не отдал ее комиссии? — спросила я.

— Возможно, пытался.

— И?

— Возможно, понял, что комиссия не собирается его слышать.

Ренат сел за стол. Не вставил флешку сразу. Сначала проверил ноутбук, открыл какую-то программу, отключил еще что-то в настройках. Я стояла рядом и ловила себя на том, что наблюдаю за его руками.

У Владислава руки были другими. Широкие ладони, аккуратные короткие ногти, часы на запястье, всегда ровные движения человека, привыкшего отдавать документы на подпись. У Рената руки выглядели менее безупречно: ссадина на костяшке, старый тонкий шрам у большого пальца, покрасневшая кожа от холода.

Руки человека, который чаще сам открывал двери, чем ждал, пока их откроют перед ним.

— Готовы? — спросил он.

Я кивнула.

Он вставил флешку.

На экране появилась папка без названия. Внутри — три файла. Аудиозапись, короткое видео и текстовый документ.

Ренат не стал открывать сразу.

— Сначала аудио.

Комната наполнилась шумом связи.

Треск. Ветер. Чужие короткие команды. Дыхание нескольких людей, тяжелое, сбившееся. Где-то вдалеке гудел сигнал тревоги.

Я не сразу поняла, что сжала край стола.

— Группа три, подтвердить позицию, — прозвучал мужской голос.

Ренат изменился в лице.

Совсем немного. Но я уже научилась замечать эти небольшие трещины.

— Это вы? — спросила я.

— Да.

Запись шла дальше.

— Позиция семь, видимость ноль, — ответил другой мужчина. Голос был хриплый, молодой. Никита. — Запрашиваем выход через основной коридор.

Шум усилился.

Потом в запись вошел новый голос.

Ниже. Ровнее. С металлическим искажением связи.

— Группа три, сменить маршрут. Выход через технический сектор «Б».

Ренат резко поставил запись на паузу.

В комнате стало тихо.

Я поняла, что не дышу.

— Это он? — спросила я.

— Это не основной канал.

— Но голос?

Ренат посмотрел на экран, а не на меня.

— Похож на человека из штаба Аксенова.

— На кого?

— На полковника Дамира Тарханова. Тогда он был заместителем по оперативной части.

Имя мне ничего не сказало.

— «Его человек», — произнесла я. — Никита написал: «Скажите Аксенову, что его человек врет».

— Да.

— Владислав знал?

— После операции Тарханов дал показания, что такой команды не отдавал. Итоговый рапорт подписал Аксенов.

Снова подпись.

Мне казалось, эта подпись преследует меня везде. Под разводом. Под рапортом. Под чужой версией жизни, где женщина должна молчать, спасатель должен быть виноват, а ге-

нерал — непогрешим, пока сам не решит признать ошибку.

— Включите дальше.

Ренат снял запись с паузы.

Никита на записи выругался. Кто-то сказал, что технический сектор закрыт. Потом снова голос с искажением:

— Приказ подтвержден. Немедленно.

После этого начался хаос.

Я не буду вспоминать все звуки. Некоторые вещи нельзя впускать в себя полностью, иначе потом они остаются жить под кожей. Крик. Удар металла. Связь, которая рвалась кусками. Голос Рената, жесткий, сорванный:

— Группа три, не менять маршрут. Повторяю, не менять маршрут. Команда не подтверждена основным штабом.

Ответа почти не было.

Только Никита.

— Поздно. Мы уже внутри.

Я закрыла глаза.

Ренат выключил запись.

Не до конца. Просто остановил, когда стало ясно, что дальше начинается смерть.

Я не сразу смогла говорить.

Кризисный психолог должен уметь держать чужую боль. Не впитывать, не разваливаться, не закрываться. Но сейчас я была не специалистом. Я была женщиной, у которой в кармане лежало последнее отчаянное доказательство человека, которого никто не защитил вовремя.

— Вы пытались остановить их, — сказала я.

— Да.

— Почему вас не услышали?

— Потому что мой канал заглушили через сорок секунд.

— Кто мог это сделать?

— Тот, у кого был доступ к резервной сетке и распоряжениям штаба.

— Тарханов?

— Он один из вариантов.

— А Владислав?

Ренат поднял на меня глаза.

Вот сейчас он мог соврать из осторожности. Мог сказать, что генерал точно не виноват, чтобы меня не раскачать. Или наоборот — подтолкнуть к ненависти.

Он выбрал третье.

— У Аксенова был доступ ко всему.

Я кивнула.

Сердце не хотело принимать даже возможность. Глупое, преданное сердце, которое еще несколько часов назад ждало от мужа человеческого слова у двери.

— Но вы не думаете, что это он.

— Я не знаю.

— А чувствуете?

— Чувства плохой инструмент для проверки.

— Но хорошие люди иногда ими пользуются.

Он отвел взгляд первым.

— Я думаю, если бы приказ отдал Аксенов, он не стал бы выводить вас из дома. Он бы просто уничтожил запись до того, как Никита дошел до вас.

Это прозвучало страшно.

И, возможно, именно поэтому убедительно.

Телефон зазвонил в тишине так резко, что я вздрогнула.

На экране было имя Владислава.

Я смотрела на вызов, пока он не оборвался.

Сразу пришло сообщение:

«Открой дверь. Я один».

Я медленно подняла глаза на Рената.

Он уже стоял.

— Он здесь?

— Видимо.

— Как он нашел адрес?

— Хороший вопрос.

В дверь постучали.

Не громко. Не кулаком. Два точных удара.

Я вдруг ясно представила Владислава за дверью: мокрые волосы, темное пальто, ровная спина, лицо человека, который будет стоять сколько нужно. Генерал не ломится. Генерал ждет, пока дверь откроют, потому что привык: ему открывают.

Ренат подошел к прихожей.

— Не открывайте, — сказал он.

— Вы же сами сказали, если бы он хотел уничтожить за-

пись, сделал бы это раньше.

— Я сказал, что так думаю. Это не гарантия.

Снова стук.

— Таисия, — произнес Владислав за дверью. — Я знаю, что ты внутри.

Мое имя в его голосе прозвучало не как приказ.

Хуже.

Как усталость.

Я подошла к двери, но не открыла.

— Откуда адрес?

— Потом.

Я тихо рассмеялась.

Даже сейчас.

— Нет. Не потом. Или ты говоришь сейчас, или уходишь.

Пауза.

За моей спиной Ренат молчал. Я чувствовала его присутствие рядом, но он не вмешивался. И в этом было что-то почти невозможное: мужчина с полномочиями позволял мне самой вести разговор с моим мужем.

Бывшим.

Я еще не привыкла к этому слову. Оно царапало изнутри, но уже не убивало.

— Через Милану, — сказал Владислав.

Я похолодела.

— Что с ней?

— Она в безопасности. Я не давил. Она сама позвонила,

когда поняла, что к ее дому подъехали люди Горицкого.

Горицкий.

Первый раз за эту ночь прозвучала фамилия, за которой почувствовался настоящий вес.

— Кто такой Горицкий? — спросила я.

— Заместитель главы ведомства.

Ренат тихо выругался за моей спиной.

Значит, фамилия была плохая.

— Ты пришел один? — спросила я.

— Да.

— Оружие?

— Есть.

Я закрыла глаза.

— Владислав.

— Я не войду с ним. Оставлю за дверью.

Ренат подошел ближе и тихо сказал:

— Он может оставить одно, иметь второе.

Я повернулась.

— Вы так ему не доверяете?

— Я так доверяю опыту.

Владислав услышал.

— Сарматов, если бы я хотел войти силой, мы бы уже не разговаривали через дверь.

— Если бы ты хотел разговаривать, начал бы с этого до развода, — ответил Ренат.

Тишина стала острой.

Я посмотрела на него. Он не должен был говорить это за меня. Но почему-то я не разозлилась. Может, потому что он сказал не вместо меня, а то, что сам думал.

— Оба замолчали, — сказала я.

И они замолчали.

Это было почти смешно. На одну короткую секунду мне захотелось сесть на пол и рассмеяться: бывшая жена генерала в чужой квартире командует генералом и майором, пока на флешке лежит запись гибели людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.